

Среди множества могил на городском кладбище Индианаполиса не без труда можно найти скромное надгробие с короткой, мало что говорящей надписью: «Фрэнсис Фармер, родилась 19 сентября 1913 года, скончалась 1 августа 1970 года». На могильном камне — фото редкой красоты женщины, явно сделанное задолго до смерти. Людям несведущим ни за что не узнать в запечатленном на снимке лице ту, кто последние 20 лет своей жизни звалась полученным от рождения именем и фамилией, но была совсем другим человеком.

Сейчас в США ее помнят лишь единицы, хотя в 30—40-е годы слава Фрэнсис Фармер — добрая вперемешку с дурной — гремела по всей стране. Из-за нее ссорились Голливуд и Бродвей, ее сравнивали с Гретой Гарбо и Катрин Хепберн, ей прочили титул «примы» американского экрана и сцены.

Однако ныне ни одного из 15 фильмов с ее участием здесь не увидишь (хотя по телевизору крутят и более ранние ленты), все до единой их копии изъяты и из кинопроката. При жизни имя Фрэнсис Фармер втаптывали в грязь, после смерти — вымарывают из истории искусства Соединенных Штатов. На свою беду, в придачу к красоте она обладала незаурядным умом и силой воли, а также обыкновенной честностью. За это ее поначалу провозгласили вольнодумкой, потом объявили помешанной, а после кончины подвергли месту забвения.

Фрэнсис родилась в Сизтле (штат Вашингтон), что на северо-западе США. В ту пору эту часть страны сотрясали классовые бои. Слово в презначенное судьбы будущей актрисы, в утро, когда она появилась на свет, неподалеку от адвокатской конторы Фармера-старшего пролилась кровь рабочих, избитых местной полицией. Позднее над изгнанными из Сизтла «революционерами» учинили расправу, вошедшую в историю Соединенных Штатов под названием «Бойня при Эверетте», а одного из вожак местных трудящихся зверски изувечили и линчевали молодчики из «Американского легиона». Уместно напомнить и то, что уроженкой тех краев была Луиза Брайант — жена и сподвижница одного из основателей Компартии США Джона Рида, автора книги «Десять дней, которые потрясли мир».

Родители Фрэнсис были разными во всем людьми. Мягкий по натуре отец симпатизировал передовым рабочим, мать, наоборот, обладала непреклонным характером, а взглядов придерживалась консервативных. Более того, она была урапатриоткой, что доказала, выведя породу кур с красно-бело-синим оперением (цвета американского флага) по случаю вступления США в первую мировую войну.

Неприятности единственной дочери Фармеров начались еще в школе, когда 16-летняя девочка своим умом дошла до истины о фальши религии и изложила эти мысли на бумаге. Сочинение принесло Фрэнсис первый приз на городском конкурсе и... ярость святош. Имя вероотступницы публично предали анафеме, в адрес Фармеров посыпались угрожающие письма. О дерзости юной безбожницы заговорила национальная пресса, прозвавшая ее «еретичкой из Сизтла». «Нашей молодежи суждено попасть в ад, и первой туда угодит Фрэнсис Фармер», — проорочествовали церковники.

Если чем Фрэнсис и пошла в мать, то твердостью характера. Опала ее не испугала. Да и к тому времени она увлеклась искусством, с первого взгляда влюбившись в систему Станиславского. Девушка с блеском окончила театральное училище при университете штата Вашингтон (тщетно, однако, сегодня искать ее фамилию на тамошней доске почета) и решила попытаться счастья на Бродвее.

Но перед этим случилось еще одно событие, предопределившее ее судьбу. Весной 1935 года за участие в распространении газеты местных коммунистов она была премирована поездкой в Советский Союз. К этому времени на ее родине вновь бушевала махровая реакция. Черносоптенцы опубликовали «доклад» о том, будто Сизтл вот-вот окажется в руках красных, и стали действовать на манер своих единомышленников из попавшей под пяту фашизма Германии: громить книжные магазины, жечь «крамольную» литературу, избивать людей прогрессивных взглядов, призывать власти тащить в каталажку всех «подозрительных». Естественно, что у таких согласие Фрэнсис посетить СССР вызвало новый приступ бешенства. Подлила масла в огонь и мать девушки, заявив прессе, будто «Советы всадили кинжал в самое сердце Америки». «Утешаюсь лишь надеждой на то, — принародно билась в истерике Лилян Фармер, — что моя трагедия станет уроком другим семьям».

Пытаясь утихомирить страсти, Фрэнсис дала в печать разъяснение: «Ни одна дру-

гая страна не представляет сейчас такого интереса с художественной и научной точки зрения, как Россия. Как актриса я хочу познакомиться с русским театром». Не помогло. «Я не коммунистка». И уж тем более буржуазная пресса США не дала ей спуска, когда, вернувшись из Москвы, она заявила: «Увиденное в России перевернуло мои представления об этой стране: я всего лишь актриса, но отныне мои симпатии и поддержка всецело на стороне русских». Враги демократии и прогресса еще припомнят Фрэнсис эти слова.

Тем временем девушка получила приглашение в Голливуд от студии «Парамаунт». Она снялась в четырех фильмах, один из которых принес ей общенациональный успех. Обнаружив во Фрэнсис коммерческую приманку, ей дали еще один шанс «стать, как все», но для этого

мочной площадке крупно повздорила с коллегами. Ее недоброжелатели только того и ждали. Примчались полиция и мать, мигом поставившие диагноз: «девочка рехнулась». После этого уже ничто не могло помешать расправе. Мелу и способ наказания ослушницы доверили выбрать судье Джону Фрейтеру. Судьба Фрэнсис была предрешена.

Член масонской ложи, предводитель местных республиканцев, активист «Американского легиона» Фрейтер принадлежал к числу столбов общества. Завзятый консерватор, он ратовал за введение публичной порки как метода борьбы с инакомыслием. Впрочем, в ту пору инакомыслие в Америке чаще «лечили» в психбольницах. Особенно часто это практиковалось на дальнем западе США. В том же Сизтле за шесть лет до описываемых событий трагически погиб член конгресса США Марион Зайончек, которого упекли в жел-

была в роли «звезды», хотя совсем иного рода. На ней перепробовали все существовавшие тогда препараты, все известные методы психотерапии. Но, теряя здоровье и красоту, Фрэнсис не сдавалась, оставалась не сломленной духом. Извергов в белых халатах ее упорство интриговало, как медицинский казус и бесило как вызов их догме о том, что зло наказуемо и исправимо.

23 марта 1950 года Фрэнсис Фармер вернулась-таки на свободу. Изувеченная физически и психически, отторгнутая обществом, она устроилась посудомойкой в «Олимпик-отель» — тот самый, где 14-ю годами раньше примазавшиеся к ее славе земляки устроили пышный банкет по случаю ее дебюта в Голливуде. Впрочем, до срока увядшая женщина теперь желала лишь одного — забвения и покоя. Однако газеты и радио лишили ее того и другого: что ни день, то новое сообщение об очередной жертве развернувшейся во всю кампанию маккартизма. В их числе то и дело встречались имена недавних товарищей и коллег Фрэнсис. Более всего ее ранило то, что иные из объектов травли, струсив или не выдержав испытаний, переходили на сторону инквизиторов. Увы, слабее Фрэнсис оказались ее бывший муж, бродвейский режиссер, и сочинявший для нее роли сценарист, хотя на его долю не выпало и малой толики обрушившихся на нее мук.

Несколько лет спустя Фармер — то ли из сострадания, то ли в расчете спекулировать ее именем — предложили вернуться в «Парамаунт». И вновь — горькое разочарование: израненный мозг уже не мог запомнить сколь-либо длинные тексты. На 57-м году жизни Фрэнсис тяжело заболела. Поскольку денег она так и не скопила, ее поместили в лечебницу для нищих, где вскоре она скончалась.

Год назад Америка вдруг вспомнила свою покойную, жестоко наказанную дочь. Одновременно здешний кинопрокат выпустил кинокартину «Фрэнсис», а по телевидению показали двухсерийную драму «Наступит ли утро?» Пусть позднее, но наступившее-таки раскаяние. А может, очистка совести по голливудски? Пожалуй, ни то, ни другое. Хотя, судя по всему, авторы «Фрэнсис» работали искренне и тем компенсировали очевидные недостатки готовой продукции. Главный изъян ленты в том, что в ней выхолощена атмосфера мракобесия и антикоммунизма, которая послужила более чем фоном трагедии Фармер. Телефильмы же и вовсе все дело свели к конфликту дочки с матерью, чем (в отличие от «Фрэнсис») заслужили похвалу буржуазной прессы. Сочтя такую подачу давней истории для себя безвредной, Голливуд согласился на миг приподнять покров над одной из своих постыдных тайн: мол, возможный ущерб окупится с лихвой.

Фрэнсис Фармер не была исключением. По свидетельству автора книги «Страна теней» Уильяма Арнольда, «радикальному» лечению от нервных расстройств — мнимых и подлинных — в свое время подвергались знаменитый писатель Эрнест Хемингуэй и не менее знаменитые «звезды» шоу-бизнеса Джуди Гарланд и Вивьен Ли. Во многом схожим с Фармер путем прошла по жизни и своей ранней и трагической гибели киноактриса Мерилин Монро. И все же судьба Фрэнсис была страшной: затравленная за свои убеждения и отказ торговать талантом, она оказалась вычеркнутой из списка когда-либо живущих (иначе в Америке обошлись с поэтом Эрой Паундом. За сотрудничество с Муссолини после второй мировой войны он был объявлен предателем, но вместо тюрьмы определен в психбольницу, где, не зная выпавших на Фармер бедствий, в комфорте и неге дождался амнистии).

По мнению Арнольда, за истекшие годы в Соединенных Штатах многое осталось по-прежнему, если не стало хуже. Только за то, что не умеешь говорить по-английски, здесь можно попасть в категорию умалишенных; число содержащихся в желтых домах США четверо превышает количество заключенных; за последнее десятилетие в психиатрических лечебницах погибло больше американцев, чем во всех войнах, в которых США участвовали, кроме второй мировой.

Воскресни Фрэнсис Фармер сегодня, она бы нашла немало сходств и в жизни тех, кто в «свободной» Америке живет на свободе. Как во времена ее юности, подвергают гонениям «безбожников», дарвинизм пытаются заменить богословием, а сам президент требует, чтобы занятия в школах начинались с чтения молитв. Тем временем единомышленники и друзья главы Белого дома травят немногих из сохранившихся в Голливуде «еретиков».

ВАШИНГТОН.

НА СНИМКЕ: кадр из фильма «Фрэнсис».

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ФРЭНСИС ФАРМЕР

Александр ПАЛЛАДИН

ей пришлось бы поступиться своими принципами и даже фамилией (на вкус киномагнатов, она звучала простовато). Фармер, однако, предпочла остаться собой: в поведении (отвергая фальшь и суету), нарядах (не признавая мишуру) и взглядах (противясь конформизму). «Единственное достоинство Голливуда, — говорила она, — в том, что здесь прилично платят». Впрочем, будучи бессребреницей, свои гонорары она жертвовала на помощь республиканской Испании и беднякам-иммигрантам, наводнившим Калифорнию. Да и от вознаграждений, по свидетельству голливудских хроникеров, она была готова отказаться ради интересных серьезных ролей. Но таких ей не давали, и неожиданно для всех она уехала в Нью-Йорк, где поступила в самый передовой на тот день «Груп Тизтр».

На театральном поприще ей сопутствовал еще больший успех. Спенсер Трейси, Бинг Кросби и прочие «звезды» того времени считали за честь побывать на спектаклях с участием Фрэнсис и пожать ей после представления руку. Но по условиям контракта актриса по-прежнему принадлежала студии «Парамаунт», которая не собиралась делить добычу с другими. Фармер затребовали обратно в Голливуд, где к тому же ее решили проучить, заставив сниматься на мелких ролях в глупейших картинах.

Попав в кабалу и не видя возможности вырваться из золотой клетки, талантливая актриса стала дерзить, все чаще поддаваться на провокации. И вот наконец, не совладав с собой, Фрэнсис Фармер на сье-

тый дом за смелые выступления против власть предержащих. Выйдя из больницы, он выпрыгнул (как утверждают, не без чужой помощи) с пятого этажа...

Итак, в лапы Фрейтера попала очередная жертва. А тот подключил к судилищу приятеля — психиатра Николсона, кваставшего умением распознавать умопомешательство за глаза и считавшего всех людей прогрессивных взглядов «по меньшей мере подозрительными». Вот и в Фрэнсис Фармер он обнаружил шизофрению, причем в буйной форме. На вчерашнюю «звезду» Бродвея и Голливуда напялили смиренную рубашку и в таком виде под улюлюканье репортеров и ротореев поволокли к машине с красным крестом. Наутро девушку подвергли электрошоку и «гидротерапии» (нагую поместили на восемь часов в чан с ледяной водой). Однако Фрэнсис не сдавалась: называла себя нормальной и требовала выпустить на свободу. Тогда электрошок — крайне болезненную и опасную, чреватую необратимыми изменениями мозга процедуру — стали применять еженедельно.

Подробно описывать все мучения, издевательства и унижения, которым Фрэнсис Фармер подвергала с короткими перерывами в течение долгих семи лет, нет смысла, да и тяжело. Достаточно лишь сказать, что ее содержали в «лечебнице», которую с равным правом называли «нацистским концлагерем» и «публичным домом» (надсмотрщики за мзду пускали по ночам насильников с соседней военной базы), где бывшая актриса по-прежнему